

На изломе времени

В многообразном социокультурном мире самарской земли, на скрижалях ее литературной летописи остались заметный след многие выдающиеся творцы отечественной словесности. В этом, теперь уже весьма длинном, представительном ряду - и Александр Исаевич Солженицын. Трижды (магическое число!) приводила его судьба в Самару и наш край...

Изучая и осмысливая его долгую, полную драматизма жизнь и судьбу, невольно вспоминаешь одно, внешне, быть может, полемически-запальчивое, но очень емкое и проницательное по сути утверждение Андрея Белого: "Не Петербург, не Москва - Россия; Россия и не Скотопригоньевск, не городок Педронова, Россия - не городок Окуров, не Лихов. Россия - это Астапово (там скончался Лев Толстой - А.М.), окруженное пространствами (...), это ясные, как день Божий, лучезарные пляны".

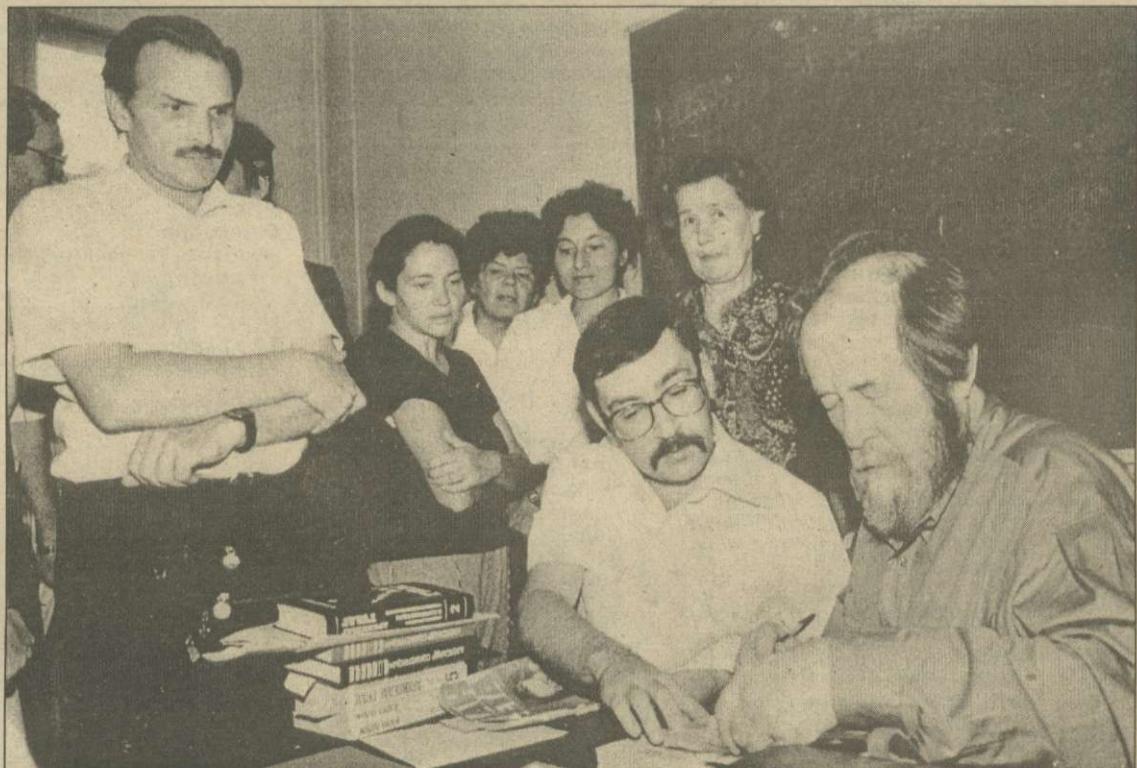
Так вот, путь Солженицына представляется именно как упорный, истовый поиск тех самых заветных лучезарных российских полян. Причем, быть может, не без горестного осознания всей тщетности, безнадежности, обреченности этого поиска. Тем более что все его творчество разворачивается в контексте стремительного, обостряющегося, несомненно системного кризиса всей современной цивилизации.

Ну а что же все-таки будет с Россией в трагических перипетиях эпохи? Этот вопрос занимает, мучает, преследует Солженицына уже много лет. Вдумаемся и вслушаемся в одни лишь названия некоторых его последних историко-публицистических работ и рассказов, исполненных нарастающей тревоги:

"Как нам обустроить Россию?" - это еще 1991 год. А дальше - "Русский вопрос" к концу XX века"... "На изломах"... "Позор"... И, наконец, самое последнее: "Россия в обвале". Вот так: от обустройства - к обвалу!

Но есть ли все-таки какая-нибудь надежда? Солженицын большие ожидания связывает с возрождением и обновлением земских демократических традиций, имеющих давние и многоразветвленные корни. Именно на эту тему взволнованно и остро говорил он, выступая на научно-практической конференции в Самаре в сентябре 1995 года. Отметчи, что эти его идеи, взгляды, проекты нашли позитивный отклик на земле самарской. Здесь у них есть верные и увлеченные приверженцы, всерьез рассматривающие земское самоуправление как плодотворный путь к подлинной демократизации всего отечественного жизнеустройства.

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что и земская программа Солженицына, и многие произведения, поступки писателя, его заявления, эскалды, в том числе и относящиеся к самому недавнему прошлому, далеко не бес-

Александр Исаевич Солженицын на филологическом факультете Самарского государственного педагогического университета в сентябре 1995 года.

спорны. В частности, вызывают неприятие, порой подкрепляемое по-своему убедительной аргументацией, и солженицынские претензии на тотальный, сквозной охват всех уровней бытия человека.

Неслучайно блестящий парадоксалист и тонкий остроумец Борис Пармонов назвал Солженицына лицедеем, актером, лишь исполняющим, играющим, правда, талантливо, захватывающе, роль Великого Писателя Земли Русской - ВПЗРом. Громко раздаются и просто бранные инвективы, круто замешанные на едком нигилизме и вообще на непреодолимой страсти людей к всеразрушающему ниспровержательству.

А Солженицын между тем продолжает свой многотрудный, нередко загадочно-непостижимый для многих современников путь на изломе эпох. Путь сквозь тревожно-завораживающие, пронизанные напряженными до предела токами годы и десятилетия социальных катастроф, политических потрясений, судьбоносных концов и начал, вибрирующих между отчаянием и надеждой...

Ну а какой же все-таки след оставил в его гражданских и художественных исканиях Волга и наша Самара?

Прежде всего неуходящая память, впечатления от летнего путешествия по Волге в 1939 году с остановкой у Ставрополя - нынешнего Тольятти. Когда взору будущего знаменитого русского писателя-патриота открылись не только те самые лучезарные поляны, но и отроги седых Жигулей, о чем он не раз вспоминал и говорил.

А вот эпизод из "Архипелага ГУЛАГ": "Это было на Куйбышевской пересыпке в 1950 году. Пересыпка располагалась в низине (из которой, однако, видны Жигулевские ворота Волги), а сразу над ней, обмыкая ее с востока, шел высокий долгий травяной холм. Он был за

зоной и выше зоны, а как к нему подходить извне - нам не было видно снизу. На нем редко кто и появлялся, иногда козы паслись, бегали дети. И вот как-то летним и пасмурным днем на круче появилась городская женщина. Приставив руку козырьком и чуть поводя, она стала рассматривать нашу зону сверху. На разных дворах у нас гуляло в это время три многолюдных камеры - и среди этих густых трех сотен обезличенных муравьев она хотела в пропасти увидеть своего! Надеялась ли она, что подскажет сердце? Ей, наверное, не дали свидания - и она взобралась на эту кручу. Ее со дворов все заметили и все на нее смотрели. У нас в котловане не было ветра, а там наверху был изрядный. Он откидывал, трепал ее длинное платье, жакет и волосы, выявляя всю ту любовь и тревогу, которые были в ней.

Я думаю, что статуя такой женщины, именно там, на холме над пересыпкой, и лицом к Жигулевским воротам, как она и стояла, могла бы хоть немного что-то объяснить нашим внукам.

Долго ее почему-то не прогоняли - наверно, лень было охране подниматься. Потом полез туда солдат, стал кричать, руками махать - и согнал".

И, наконец, в последней, быть может, наиболее спорной и обжигающей своим содержанием и выводами книге "Россия в обвале" звучат услышанные в 1995 году голоса отдельных самарцев...

Солженицын - фигура по-своему трагическая в его всегдашнем противостоянии общепринятым истинам, авторитетам, установлениям. И доныне это обстоятельство пока еще источник конфликтности, непонимания и даже отторжения.

А.МОЛЬКО.
Фото А. КРИВОПАЛОВА.